

Необычность содержания «Повести о Петре и Февронии», отличие этого «Жития новых муромских чудотворцев» от привычной агиографической схемы отмечалось множеством исследователей.⁵ Ими же указывалось на фольклорную основу жития. Однако, пожалуй, никогда еще не была оценена достаточно полно многоплановость, сложное переплетение сюжетных линий «Повести». Прославление князя-змееборца, явившееся откликом героических идеалов домонгольского периода и особенно периода борьбы с татарским игом, прославление мудрой девы из народа, т. е. та часть повести, в которой звучали и демократические, и антибоярские настроения, наконец, полный глубокой поэзии рассказ о совершенной любви, пережившей смерть, — таков сложный состав «Повести». К этому необходимо прибавить изменение акцентов, усиление (в зависимости от того или иного исторического периода) то моментов идеализации уходящего удельного порядка, то прославление идей единой государственной власти, а также упоминавшиеся выше моменты дидактические и стремление окружить «ореолом святости» «новых чудотворцев».⁶

Естественно, что ни о каких образцах и прорисях для руководства в передаче столь сложного содержания «Повести» не могло быть и речи. Тем труднее была задача миниатюриста, возвращенного в устойчивых традициях иконописания или миниатюрного письма. Однако сила поэтических образов «Повести» помогла преодолеть трудности самостоятельного творчества, вне канонических установлений.

Следуя за текстом «Повести», миниатюрист вместо традиционных форм рождения, «божественного призвания» и прославления после смерти находит возможным начать свое житийное повествование своеобразной интродукцией, вводящей в обширный цикл миниатюр, — первой, сложной по композиции миниатюрой, содержащей рассказ о князе Павле и его жене, о прилетах «неприятного» змея и о признании княгини мужу в своем падении.

Устанавливая своеобразную иконографию этого необычного жития, миниатюрист не только стремился передать развитие действия и развитие характеров героев своего повествования. Основной пафос его рассказа направлен на прославление идеальной любви, вопреки многим испытаниям крепнущей и очищающейся и в конце концов торжествующей не только над «людским коварством», но и над самой смертью. Именно это заставляет художника останавливаться на эпизодах двукратного исцеления, на устройении «единого гроба», согласии умереть во единый час, двукратном приходе отрока от Петра к княгине с вестью о приближении смерти и, наконец, на чудесном обретении тел любящих во едином гробе. Социальная острота боярских наветов, изгнания, усабицы отступает на второй план. Она заменяется скорее прославлением победы мудрого князя и княгини над мятежниками, торжества единой государственной власти.

Передача столь сложного переплетения сюжетных линий, эмоционального звучания и социальной направленности повести в данном цикле миниатюр в значительной мере удалась художнику. Это сказывается не только в тщательности и полноте иллюстрирования текста, в передаче мельчайших подробностей и в то же время в умелом отборе и показе характерных из них, но и в той своеобразной, несколько наивной поэзии, которую сумел почувствовать и донести до читателя, вернее до зрителя, древнерусский миниатюрист в созданных им образах.

⁵ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 287; М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии..., стр. 131 и сл., и др.

⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии..., стр. 139—140, 167.